

КУРАНТЫ

ежемѣсячникъ

литературы и искусства.

№ 1.

ДЕКАБРЬ.

1918.

КУРАНТЫ

ежемѣсячникъ

литературы и искусства



№ 1. ДЕКАБРЬ. 1918.

2444

Художественный и литературный
ежемесячникъ

== КУРАНТЫ ==

Подъ редакціей

Бориса Корнѣева.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Журналъ посвящаетъ себя исключительно искус-
ству и помѣщаетъ статьи по вопросамъ поэзіи, ли-
тературы, сцены, живописи и другимъ видамъ худо-
жественнаго творчества, не ограничивая своихъ за-
даній рамками опредѣленныхъ исканій.

Цѣна № 3 рубля.

С Т И Х И

Дано тебѣ отъ Бога смѣть
И сердце растерзать на части,—
Благослови-жъ и жизнь и смерть,
Не требуя за подвигъ счастья!

Всегда внимателенъ и тихъ
Въ своемъ мечтательномъ покоѣ,
Не вѣдай радостей иныхъ,
Чѣмъ тонкій аромат левкоевъ.

Что скажетъ жизнь тебѣ своимъ
Безумнымъ голосомъ соблазновъ?
Отвѣть—служу богамъ инымъ,
У васъ лишь наблюдатель праздный.

Юрій Дегень.

Отъ пламени твоей груди
Потемнѣетъ серебряный крестикъ;
Нетерпѣливая, скажешь: „приди“.
И вотъ, упадемъ мы вмѣстѣ.

Промчатся-ль часы, какъ мятель,
Мигъ любви не измѣрятъ столѣтья,
Пусть птицею станетъ постель,
На ней бы хотѣлъ улетѣть я.

Стилетъ отравленный готовъ
И цѣлся въ сердце, выше, выше,
Моя любовь почти не дышетъ,
Но все еще сочится кровь.

Израненный, не умираю,
Но жить для первой не хочу.
Благословенье палачу
Несетъ моя любовь вторая.

Алексеандръ Порошинъ.

Не надо опасности
Расплавленныхъ глазъ...
Есть нѣжность отъ страстности —
Это — развратъ.
Но въ кроткой безгрѣшности
Ласковость губъ...
Есть страстность отъ нѣжности —
Это — любовь.

Какъ спичку задувъ разговоръ,
Обопретесь рукою усталой
На камень лѣстницы лунной,
Улыбаясь подругѣ стыдливой.
И коснувшись напудренной шеи
Пуховкой малиновыхъ губъ —
Въ полуобморокъ страстный впадете
Желатиновый кавалеръ.

Татьяна Вечорка.

К И Р А

(Диалог)

Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній.

А. Пушкинъ.

- Pardon, тутъ свободное мѣсто?
— Пожалуйста, я могу убрать пледъ.
— Кира!
— Mais, maman, c' est un jeune homme très comme il faut!
— Toujours des bêtises!
— Благодарю васъ m—elle! Вы разрѣшите, сударыня?
— Видите ли, молодой человѣкъ, я боюсь, что вы будете стѣснены: здѣсь только я и моя дочь—мужчинъ нѣту, кромѣ того у меня мигрень.
— Ничего, мы пойдѣмъ въ корридоръ постоять у окна, и дверь въ купѣ запремъ. Хотите?
— Съ удовольствіемъ. Не имѣю чести...
— Кира Сергѣевна.
— Дмитрій Павловичъ. Къ вашимъ услугамъ
-
- Вѣдь это ничего, что я васъ сюда привела?
— Я не охотникъ стоять у окошка, но съ вами...
— Со мной?
— Я готовъ провести здѣсь...
— Всю жизнь?
— Нѣтъ—то время покамѣстъ кто либо не поведетъ меня къ другому окошку.
— Вы кажется ужасный циникъ...
— Пріятно слышать такое замѣчаніе: очевидно мы станемъ друзьями.
-
- Кажется дверь отворяется? Что тебѣ мама?
Нѣтъ нѣтъ еще три часа. Ты же видишь, мы ждемъ у окна разсвѣта. Нельзя?
Ну, не сердись!
Дѣлать нечего, спокойной ночи, Дмитрій Павловичъ. Не цѣлуйте мнѣ руку, вѣдь я не дама.
— Къ несчастью.
— Спокойной ночи!
— Спокойной ночи. Я буду глядѣть какъ вы спите.
— Тогда я не буду спать!
— Вы? Нѣтъ будете, потому что я этого хочу.

— Кира Сергѣевна. Любовь съ первой минуты—это чудо. Я люблю васъ. Скажите—„да“— и я изорву билетъ и поѣду до Москвы съ вами. Для васъ я готовъ на все.

— На все? Даже на женитьбу?

— Для меня было бы величайшимъ счастьемъ назвать себя вашимъ супругомъ, но я не смѣю предложить вамъ это: я... бѣденъ. Вы—рождены для роскоши. Такую женщину какъ вы—нельзя одѣвать въ ситцевыя платья...

— Прощайте, Дмитрій Павловичъ!

— Нѣтъ, до свиданья, Кира Сергѣевна! Напишите мнѣ когда вы выйдете замужъ.

— Я не хочу выходить замужъ. Такъ трудно сдѣлать любимаго человѣка своимъ мужемъ.

— И не надо этого, дѣвочка. Любить мужа—это пошлость. Уважать его надо и... обманывать.

— Уйдите, я васъ ненавижу!

— Кирочка, *mon enfant*, вѣдь какъ хочешь, а ждать какого то принца—это чужь. Ты вѣдь знаешь, что мы проживаемъ послѣднее.

— Оставь меня мама, я презираю всѣхъ мужчинъ.

— Совершенно справедливо, но ты же не можешь остаться старой дѣвой: ты такая хорошенькая. Вотъ видишь тебѣ принесли двѣ корзины.

— Отъ кого?

— Поздравленіе съ именинами, а отъ кого—посмотри сама.

— Одна—отъ Каретникова.

— Какая прелесть! Помни, Кикъ,—его ювелирный магазинъ—лучшій въ Москвѣ. Ну, а другая корзина?

— Другая? Мама, мама,—это отъ Дмитрія Павловича.

— *Qui est—ce?*

— Помнишь—нашъ спутникъ во время путешествія.

— *Comment?* Ты не забыла его за это время?

— „Кира, дѣтка моя! Годъ, цѣлый годъ я думаю только о тебѣ. Всѣ женщины, по сравненію съ тобой, мнѣ кажутся пустыми и неинтересными. Помнишь ту минуту, когда ты проснулась отъ моего взгляда? Всю ночь, вплоть до разсвѣта, я не смыкалъ глазъ— а когда пледъ, сползая, открылъ кусочекъ твоей розовой ноги— я потерялъ голову.

Если бы мы встрѣтились теперь— то врядъ ли расстались, какъ тогда.

Кира, любовь моя! Напиши мнѣ. Какъ ты живешь? Можетъ быть уже вышла замужъ? Можетъ забыла меня? Но я тебя помню. Всю помню. И все помню. Люблю. Надняхъ мимо меня прошла дама— отъ нея пахло тѣми же духами что отъ тебя. Я бросился за нею, но она смѣшалась съ толпой. Пойми Кира! Цѣлую тебя въ губы.

Д.

- Кира Сергѣевна!
— Здравствуйте, Фаддей Петровичъ.
— Какъ я обожаю видѣть васъ и съ цвѣтами!
— Только вы лучше цвѣточковъ!
— Я получила сегодня двѣ корзины красныхъ розъ.
— Это я со значеніемъ: красные. Что это вы поблѣднѣли, Кира Сергѣевна?
— Нѣтъ ничего, я счастлива.
— Вы счастливы? Неужто я смѣю надѣяться?
— Вы хотите, чтобъ я стала вашей женой?
— Это будетъ такая радость для меня!
— А вы будете мнѣ довѣрять, Фаддей Петровичъ?
Уважать будете?
— Господи, Господи, да еще бы!
— Вы дадите мнѣ полную свободу?
— Я не буду стѣснять васъ ни въ чемъ.
— А раскaiваться потомъ не будете?
— Не мучьте меня Кира Сергѣевна. Я готовъ на все!
— Хорошо, дорогой, я согласна!
— Боже мой какое счастье! Кира Сергѣевна, но зачѣмъ же вы плачете?

Татьяна Вечорка.

1914.

Петроградъ.

НОВЫХЪ СТИХАХЪ

За 18 годъ въ Тифлисѣ вышло въ свѣтъ необычайное количество книжекъ стиховъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я хочу сказать нѣсколько словъ.

Безусловно, наиболѣе интересный изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ является книжка Татьяны Вечорки. Въ „Магноліяхъ“ помѣщены избранные стихи съ 15 по 18 г. г. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность прослѣдить поэтическій ростъ Т. Вечорки.

Начинаетъ она очень благородно—съ милой пѣсенки:

Я снова плакала любя
И боль не такъ остра.
Вчера я видѣла тебя,
Мапон, моя сестра.

и съ чисто техническихъ упражненій:

Вы—лукавый бездѣльникъ
Въ понедѣльникъ.
Отъ труда поблѣднѣвшій затворникъ
Во вторникъ и т. д.,

т. е. вступая на путь поэта Т. Вечорка старается развить въ себѣ благородный вкусъ и гибкость звуко-словесную. Подобная работа, въ особенности надъ развитіемъ перваго качества, въ высшей степени необходима поэтессѣ, принужденной постоянно преодлѣвать въ своемъ творествѣ ту долю безвкусія, что заложена въ нее. Многіе стихи 16, 17 и 18 г. г. настолько страдаютъ отсутствіемъ художественнаго такта, что нѣкоторые изъ нихъ прямо таки нельзя назвать стихами.

Если женщина красива—то глупа.
Если умная—смотри на безобразіе.
Въ древности была природа не скупа
И была философомъ красавица Аспазія.

Здѣсь помимо отсутствія какого-бы то ни было поэтического содержанія и настроенія, тяжелый оборотъ, отмѣченный нами разбивкой, уже самъ по себѣ способенъ убить всякое поползновеніе на поэзію.

Съ другой стороны, работа надъ технической стороной стиха, приводящая иногда къ опытамъ неудачнымъ, развила въ поэтессѣ большую виртуозность, благодаря которой возможно было мастерское исполненіе „Галантной баллады“ Однако и

здѣсь, какъ мы уже упомянули, приходится отмѣтить наравнѣ со стихотвореніями отличающимся большой звуковой легкостью, стихи трудно-произносимые, благодаря стремленію Т. Вечорки сдѣлать ихъ насыщенными въ звуковомъ отношеніи, что вовсе не свойственно ея поэтическому дарованію. Таковы, напр., заключительныя строки сонета „Любовь“:

но бремя счастья всѣхъ скорбей труднѣй,
когда слѣпнѣтъ безплотность райскихъ дней
и близость Бога слишкомъ очевидна.

И, наоборотъ, тамъ, гдѣ Т. Вечорка вѣрна звуковымъ возможностямъ, свойственнымъ ея, скорѣе графическому, нежели живописному, какъ это ни странно для женщины, поэтическому дару, она достигаетъ значительныхъ эффектовъ:

Изъ-за горы лѣсныя лани
насторожили темный взглядъ,
какъ женщины въ парчевой ткани
снимаютъ черный виноградъ.

Ползутъ цвѣты по косогору,
пластами рдѣютъ облака,
въ монастырѣ зардѣетъ скоро
свѣтлякъ ночного огонька,
и на конѣ съ косящимъ окомъ
спѣшитъ наѣздникъ молодой
перелетѣтъ въ сѣдлѣ широкомъ
надъ застывающей водой.

Значительно слабѣе стихи С. Городецкого, составляющіе книжку „Ангель Арменіи“. Съ одной стороны, благодаря привычкѣ писать газетные фельетоны, поэтъ очень часто убиваетъ фельетонистъ и притомъ, фельетонистъ, обладающій большой долей самоувѣренности и самомнѣнія. Особенно непріятно бросается это въ глаза въ стихотвореніи „Ванъ“ Здѣсь, говоря о гибели цѣлаго народа, для описанія погибшихъ армянъ, поэтъ находитъ лишь общія мѣста—фразы, вродѣ: „скорбныя тѣни“, „толпа безплотныхъ“, „лучезарные“, но какъ только дѣло касается души самого поэта, онъ находитъ въ себѣ достаточную творческую силу и изобрѣтательность, чтобы произнести строчки, дышущія неподдѣльнымъ пафосомъ:

Душа, огромная, какъ море
Душа, какъ вѣтеръ надъ вулканомъ и т. д.

Съ другой стороны, если говорить о чисто техническомъ выполненіи стиховъ, то тутъ придется отмѣтить не только случайныя промахи, но прямо таки незнаніе правилъ стихосложе-

нія и отсутствіе художественной чуткости, что очень странно въ такомъ опытномъ поэтѣ, какъ С. Городецкій.

Въ книжкѣ четыре стихотворенія, написанныхъ многостопнымъ ямбомъ и въ каждомъ изъ нихъ поэтъ ошибается въ счетѣ. Такъ въ первомъ, шестистопномъ, стихотвореніи имѣется строчка въ семь стопъ (стр. 6, 2 строка), въ трехъ-же остальныхъ на каждое приходится по одной строкѣ шестистопной, нарушающей принятый въ нихъ поэтомъ пятистопный ямбъ. (Стр. 21, 4 строка; стр. 23, 7 строка и стр. 28, 19 строка.)

При бѣгломъ пересмотрѣ книжки прежде всего обратили на себя вниманіе совершенно недопустимые въ смыслѣ правильности и чистоты рѣчи обороты, какъ: „ей голодно“, „померкнуло“, „погибнулъ“, (померкло, погибъ!) не говоря уже объ абсолютно неправильной постройкѣ, какъ въ смысловомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи, слѣдующей фразы: „воронъ кость глодаетъ“. (Глаголъ „глодать“ не можетъ быть примѣненъ для обозначенія дѣйствія ворона, т. к. онъ употребляется лишь въ томъ случаѣ, когда лицо, къ которому глаголъ относится, имѣетъ ротъ, а не клювъ. Во всякомъ-же случаѣ, если бы воронъ и глодалъ кость, то въ настоящемъ времени болѣе правильно было бы сказать: воронъ кость гложетъ.) Но попадаются строчки явно бессмысленныя:

Бродятъ сумрачные нсы
Съ одичавшей (?!) пастью.

Ритмъ „Ангела Арменіи“ довольно разнообразенъ, но или же онъ тяжелъ своей монотонностью:

Онъ мнѣ явился въ блескѣ алыхъ ризъ
Надъ той страной, что всѣхъ несчастій странъ.
Однимъ крыломъ онъ осѣнялъ Масисъ,
Другимъ—сѣдой отъ горькихъ слезъ Сипанъ
и т. д.

или же онъ пріобрѣтаетъ „рубленную“ подвижность:

И кукушка межъ садовъ
Носится, рыдаетъ,
На развалинахъ домовъ
Воронъ кость глодаетъ.

Что-же касается риѣмы, то и здѣсь поэтъ далеко не на высотѣ своего положенія. Изъ всѣхъ 158 паръ риѣмующихся строкъ только 12 паръ риѣмуются болѣе или менѣе пріятно для современнаго поэтического уха (безпечаленъ—развалинъ, плакалъ—мака), остальные-же 292 риѣмы являются простымъ риѣмованьемъ прилагательныхъ (нѣжные—прилежные), существ-

вительныхъ, поставленныхъ въ одномъ и томъ же падежѣ и числѣ (море—горе, грозъ—розъ), или-же, наконецъ, глаголовъ (таить—лежить). Все-же, если такой упрощенный способъ рифмовать не претитъ культурному поэту, онъ является допустимымъ. Этого, однако, нельзя сказать о „рифмахъ“ вродѣ: люблю—пою, бытія—меня, которыя старается избѣжать даже самый неопытный поэтъ.

Разставаясь съ книжкой С. Городецкого, чтобы перейти къ слѣдующей, невольно хочется найти и указать хоть на небольшой отрывокъ, достойный поэта Городецкого, котораго мы любили, когда его не осилилъ еще дешевый газетный фельетонизмъ. Такимъ поэтическимъ оазисомъ среди гнетущей пустыни самой безнадежной прозы является третья строфа въ прозаическомъ стихотвореніи „Ребенокъ“, которую мы съ удовольствіемъ приводимъ:

Она глядитъ какъ за окошкомъ
Сіяетъ вишня и айва,
И длиннохвостымъ шепчетъ кошкамъ
Кошачьи, милые слова.

Любопытны рѣзкимъ контрастомъ своей звуковой фактуры съ содержаніемъ стихи Бориса Корнѣева, помѣщенные въ его второй книжкѣ. Содержаніе „Дѣвушки въ розовомъ“ лучше всего характеризуется первымъ стихотвореніемъ, наиболѣе удавшимся поэту въ смыслѣ соответствія вышеупомянутыхъ элементовъ—фабулы и звуко-рѣчи:

Дѣвушку въ розовомъ какъ-то я встрѣтилъ,
Розовымъ взоръ мой былъ затуманенъ.
Она улыбнулась,
Ей я отвѣтилъ.
Былъ я улыбкой тайною раненъ.
Дѣвушка скрылась...
Въ томленіи грезовомъ
Вижу улыбку привѣтливыхъ глазъ.
Нѣжная, гдѣ-ты?
Дѣвушка въ розовомъ—
Встрѣчу ль тебя еще я хоть разъ?

Но уже со второго стихотворенія голосъ поэта, если не считать двухъ—трехъ почти беззвучныхъ, начинаетъ пріобрѣтать все большую твердость и силу, вовсе, казалось бы, не соответствующую тому нѣжному содержанію, которое вкладываетъ въ въ свои стихи Борисъ Корнѣевъ.

Сдыхала лошадь на шумной улицѣ,
Тупо глазомъ кошачьимъ мерцалъ фонарь.



А. Н. Геевскій.

Портретъ Бориса Корнилова (1914 г.)

А толпа смотрѣла,
 Какъ туша сутулится,
 Какъ умираетъ Божья тварь.
 И только дѣвушка въ бѣлой шубкѣ
 Сказала тихо: «какъ жалко».
 И изъ рукъ ея хрупкихъ
 Къ лошадиной мордѣ
 Упала фіалка.

Пока еще только испытывающій надежность своихъ голосовыхъ связокъ, поэтъ въ стихотвореніи „Усталое“ даетъ, наконецъ, полную волю своему голосу, въ мощномъ звукѣ котораго, кажется, возможно потопить ревъ цѣлаго митинга.

Только одну влюбленное сердце отмѣтило,
 У одной просило счастья большого,
 Но Ваше сердце моему не отмѣтило,
 Моему, измученному
 До смѣшного.

Думаю о васъ
 Долго и отрывочно,—

Сердце боится первой разлуки.
Вѣдь не пойду искать любви рыночной,
Когда хочу цѣловать Ваши руки.
Усталъ,
Какъ парусъ послѣ бѣшенной качки,
Усталъ отъ долгой любовной ноши
И жду поцѣлуя отъ Васъ,
Какъ подачки,
Отъ Васъ нелюбящей
И все-же хорошей.....

При первомъ впечатлѣніи отъ звука стиховъ Бориса Корнѣева невольно вспоминается однородный мужески-грубый голосъ съ надрывомъ Вл. Маяковского:

У меня въ душѣ ни одного сѣдого волоса
И старческой нѣжности нѣтъ въ ней,
Міръ огромивъ мощью голоса
Иду красивый двадцатидвухлѣтній.

Нѣжные! Вы любовь на скрипки ложите
Любовь на литавры ложить грубый.
А себя, какъ я, вывернуть не можете
Чтобы были однѣ сплошныя губы.

(„Облако въ штанахъ“.)

Однако не надо забывать, что у Вл. Маяковского — поэта революцій, „крикогубаго Заратутуры“ и площаднаго гаера, этотъ голосъ не только понятенъ, но и необходимъ, какъ для большей художественной завершенности, такъ и потому, что онъ одинъ и спасаетъ поэта отъ печальной участи прочихъ пѣвцовъ гражданственности. Ни по той ни по другой причинѣ не имѣетъ Корнѣевъ необходимости въ грубомъ и громкомъ голосѣ. Скорѣе даже, наоборотъ, его произведеніямъ больше подошелъ бы голосъ нѣжный и тихій. Поэтому въ данномъ случаѣ къ Корнѣеву долженъ быть найденъ какой-то иной подходъ. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только нѣсколько внимательнѣй вслушаться въ стихъ Бориса Корнѣева, чтобы безъ затрудненій найти объясненіе указаннаго нами несоотвѣтствія содержанія со звукомъ, который собственно говоря не только не перенялъ поэтомъ у Маяковского, но даже и построенъ иначе, въ чемъ легко убѣдиться на первомъ попавшемся примѣрѣ. У Корнѣева:

И вотъ, когда устану отъ жизни очень,
Когда узнаю ея нелѣпыя сказки
И не хватить съ собою бороться мочи
Приду и попрошу Вашей ласки.

Вл. Маяковский, любящий больше всего параллелизмы и звуковыя наслоения, никогда не построилъ бы своего стиха по подобному принципу.

У него:

Опять влюбленный выйду въ игры
Огнемъ озаряя бровей загибъ
Что же?
И въ домъ который выгорѣлъ
Иногда живутъ бездомные бродяги.

Если сравнивать строфы Корнѣева и Маяковского дальше, то у насъ еще болѣе окрѣпнетъ увѣренность въ ихъ совершенной разнородности. Слѣдовательно, голосъ Корнѣева, наиболѣе поражающій насъ въ его стихахъ не перенятый имъ, а его собственный, вполне оригинальный. Отсюда возникаетъ вопросъ—не слѣдуетъ ли намъ ожидать третьей книги стиховъ Бориса Корнѣева, въ которой онъ одержитъ, наконецъ, послѣднюю побѣду—найдетъ не выраженное имъ до сихъ поръ, но безусловно носимое имъ въ себѣ свое содержаніе? На этомъ вопросѣ мы и закончимъ пока нашъ краткій обзоръ новыхъ стиховъ.

Юрій Дегень.

Любовное приключение Маяковского

„Милостивныя государыни и милостивые государи! Я—на-халь, для котораго высшее удовольствіе ввалиться, напяливъ желтую кофту, въ сборище людей, благородно берегущихъ подъ чинными сюртуками, фраками и пиджаками скромность и приличіе. Я—циникъ... Я—извозчикъ, котораго стоитъ впус-тить въ гостиную,—и воздухъ, какъ тяжелыми топорами, за-навѣсятъ словища этой мало приспособленной къ салонной ді-алектикѣ профессіи“.

Этотъ автопортретъ Вл. Маяковского не только личный, но и литературный, тутъ изображены и человекъ и писатель.

Развѣ не тѣ же грубо-неуклюжія, „словища“ у него въ сти-хахъ?

А во рту
умершихъ словъ разлагаются трупики.
Только два живутъ, жирѣя,
„сволочь“
и еще какое то,
кажется—„борщъ“

(„Облако въ штанахъ“ 1915 г.)

Таковъ есть кирпичъ и апашъ! Что устоитъ передъ нимъ?

И вотъ ему выпало величайшее искушеніе. Тысячелѣтія мобилизовались, сгрудились, выжали изъ себя эссенцію размяг-ченія,—воду! И напустили на плечистый маякъ влажную Ю, нѣжную Лю, прекрасную Лилу!

„Все произошло изъ влаги“, сказалъ какой-то грекъ. Она сокрушитъ упорную стѣнку! Битва титаническая! Бетонно-Апо-калипсическая!

Испытаніе было страшное—скала заскрежетала, когда кос-нулись ея ломъ и стальные зубы воды!

Охъ эта
Ночь.
Отчаянье стягивалъ туже и туже самъ.
Отъ плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась ужасомъ.
.....
Съ другимъ зажгешь въ огнѣ рысаковъ
Стрѣлку или Сокольникъ,
Это я, взобравшись туда высоко
луной томлю ждущій и голенькій.

(Флейта позвончикъ 1916 г.)

Отчего же такая злостеболь?

Но какъ же могутъ грубыя желѣзныя ч, рж и щ удовле-
твориться мягкимъ Ю, амёбной Лилей? Это несбыточно! «Толь-
ко два живутъ во рту жирѣя»...

Съ небритой щеки площадей

Стекаая ненужной слезою

Я, быть можетъ, послѣдній поэтъ!

(„Трагедія Маяковскій“.)

Онъ, въ послѣдній разъ, уже бѣснуясь и сквернословя,
воспѣлъ Лилю. Это не простое имя его возлюбленной—(„Тебѣ
Лилѣ посвящаю“, „Лилѣ Юрьевнѣ Брикѣ“, „Л. Ю. Б.“ и т.
д.) это вѣчное всесвѣтное—и потому оно явилось при рѣши-
тельной міровой схваткѣ.

Дѣва ночи, мучившая въ сновидѣніяхъ мужчинъ неудов-
летворенной и острой любовью—Лилю ассиро—вавилонянъ!

Лелить—дѣва ночи евреевъ, первая жена Адама—ее вос-
пѣвалъ Ѡ. Сологубъ.

Лелила—ночная дѣва Пушкина, ея тѣнь вызываетъ поэтъ
въ полночи. Даже у ацтековъ богиня любви—Люлю!

Это блѣдная лилея—Саломея ночи—лгунья—леуна—луна,
—передъ нею млѣли всѣ народы!

Ночное томленіе покорило и Маяковского! Камень раз-
мякъ, и вмѣсто скрежета и сквернословія мямлитъ заговарива-
ясь:

На цѣпь нацарапую имя Лилино

и цѣпь исцѣлю во мракѣ каторги...

(„Флейта позвоночникъ“.)

Такъ и напечатано: нацарапую—не знаемъ: опечатка или
„такъ надо“.

И вотъ, первый разъ въ исторіи, произошло полное вави-
лонское совпаденіе словъ и народовъ! Эта Лилея—Лилить и
есть дочь бога евреева, возлюбленная изступленно-тоскующаго
замаячившаго Маяковского! Леунное томленіе!...

Будто вымечталъ какой-то новый Бяликъ

Ослѣпительную царицу бога евреева.

(Флейта позвоночникъ“.)

Это не простая скромная лилея, нѣтъ, ослѣпительная
„накрашеванная и рыжая“ царица у которой ногти, какъ бы сод-
ранные, мякотно-красные, и рядомъ—

Слезъ изступленныхъ вонзаю кинжалъ

въ неба распухшаго мякоть.

Это гигантъ „Апокалипса“, борящійся съ накрашенной дѣвицей, „покарившей царей многихъ“. И чѣмъ кончится эта борьба? Если не онъ, то кто же сдавитъ нѣжное горло?! Никакіе старцы еще не осилили вавилонскую любодѣйцу! Борясь, они вызывали еще большее количество накрашенныхъ, пока, обезсиленные не падали а Іа св. Антоній подъ ихъ же танецъ и уже пропадали не съ одной, а сразу съ сотнями и тысячами. (Числа той же библейской борьбы).

И вотъ наступилъ подлинный конецъ міра! Не пророчество, не вѣсть о немъ, а живая схватка! Растопыренный апашъ не выдержалъ этого истеченія нѣжными лю и ню, онъ вспомнилъ свое призваніе, взмахнулъ топоромъ и обезглавленная пока-тилась Люлю!

Трагедія Соломеи и Іоканаана сыграна наоборотъ!

Тысячу разъ отплететъ Иродіадою
Солнце землю—
Голову крестителя!

(„Облако въ штанахъ“.)

Теперь довольно!
Клянусь моей звѣриной силой:
души не истрочу!
Дайте любую
молодую
красивую
сперва
а потомъ въ лицо плюну ей!..

(цитата по памяти)

Чего убоится онъ, „площадный сутенеръ и карточный шулеръ“? „Кто на большее плюнуть посмѣетъ, тотъ и правъ“ (Достоевскій).

Радуйся нашъ возлюбленный кирпичъ, великій микроцефаль! Ты побѣдилъ, ты плюнулъ! Ты—Наполеонъ и Жофръ! Хотя надолго ли? Плюнулъ но не переплюнулъ!

Каждый волосъ выласкиваю,
вьющійся,
золотистый,
О, какіе вѣтры, какого юга
свершили чудо съ сердцемъ погребеннымъ?
Расцвѣтаютъ глаза твои,
два луга!
Я кувыркаюсь въ нихъ
веселый ребенокъ...



Надсаживается Надсономъ, но не обманетъ! Это все сдѣланное! Поддѣльное, какъ и его злободневные гимны! Поэтъ въ агоніи:

Не надо тебя,
Не хочу.
Все равно
Я знаю—
Я скоро сдохну...

(„Взялъ“).

Плюхнуть Любодѣйцу ни воинъ, ни апашъ, ни отшельникъ не смогли! Тутъ нуженъ американскій размахъ! Лишь когда появился заумникъ, поставщикъ слюны „аппетитъ“ на 30 странъ, мы можемъ быть увѣренными, что ослѣпительные глаза Лили не выдержатъ, потускнѣютъ, потухнутъ и упадетъ изъ нихъ послѣдняя зелено-тухлая слеза. Уже дохлюпываютъ

Глазюли акушерки
заплюзганной...

А. Крученыхъ.



А. Н. Гевский

Колокольня Зедазенского
монастыря [1915 г.]

Зедазенекій монастырь

Окрестности Тифлиса богаты памятниками древности. Но далеко не всё сохранилось въ неприкосновенности. Одни—боле или мене неудачно поновлены (напр., Бетани), другіе—загублены (напр. Храмы Кобенскаго и Марткобскаго монастырей). Уединенность и сравнительная малодоступность оградили Зедазенское монастырище отъ невѣжественнаго вниманія ревнителей „церковнаго благолѣпія“ прошлыхъ десятилѣтій.

На вершинѣ Согурамскаго хребта, невдалекѣ отъ высшей точки этого горнаго массива, стоитъ древняя базилика окруженная другими монастырскими сооруже́ніями. Многовѣковое зданіе сложено изъ неотесаннаго камня. Нѣкогда внутри храмъ былъ росписанъ фресками. Отъ прежняго убранства уцѣлѣли обломки стараго рѣзнаго каменнаго иконостаса высокохудожественной работы. Фрагменты теперь вдѣланы въ каменный позд-

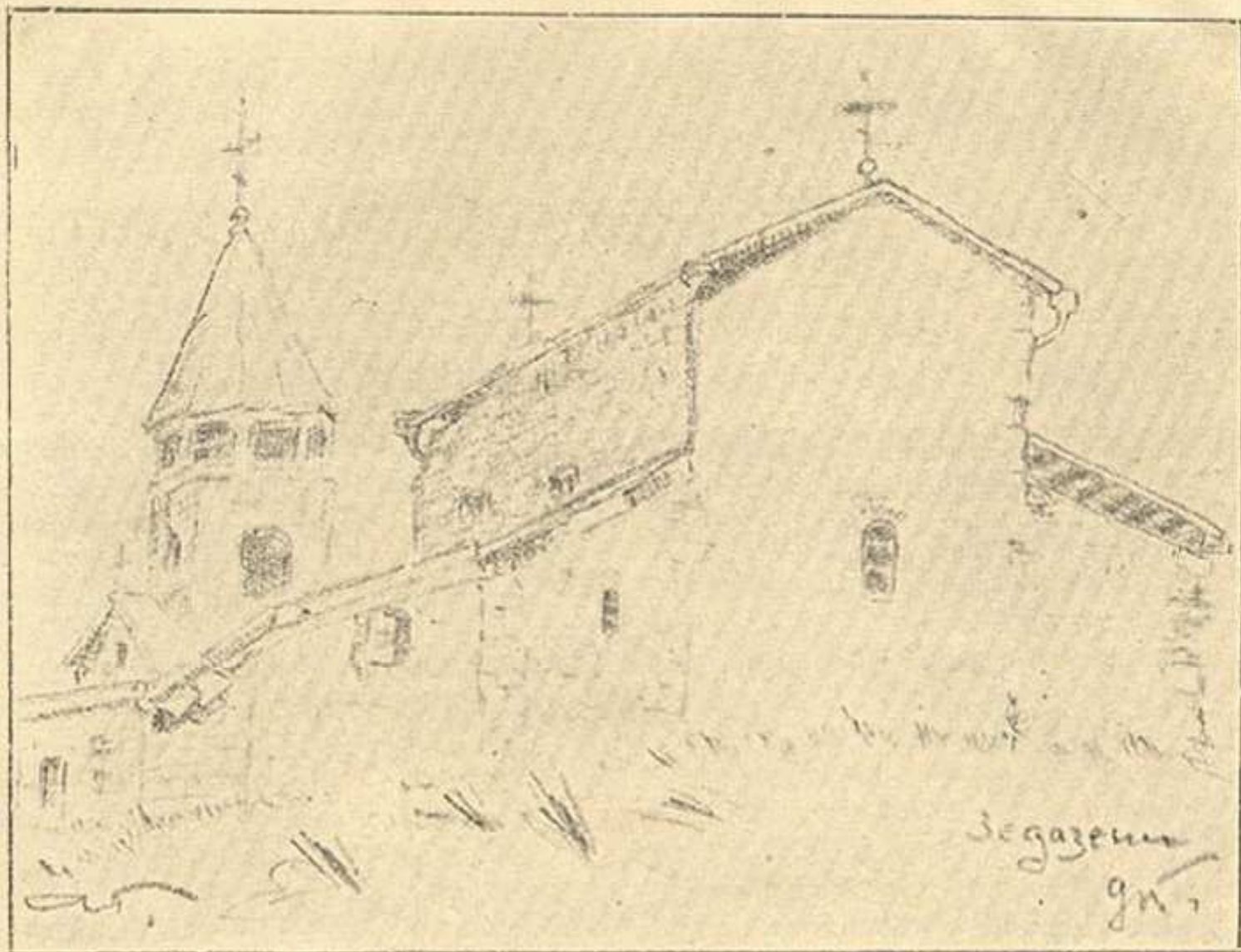
нѣйшій иконостасъ, сохранившій, однако, древній съ одними лишь царскими вратами. Невдалекѣ отъ базилики возвышается колокольня.

Широкіе, плѣнительно-очаровывающіе виды открываются передъ посѣтителемъ монастырскимъ. Въ ясную погоду вдали высится цѣпь главнаго Кавказскаго хребта, а ближе—простираются долины Куры и Арагвы, долина Эрцо. По ту сторону Арагвы, при сліяніи съ Курой, раскинутый Мцхетъ, а по сю—Крестовый монастырь, видны почти съ птичьяго полета.

И едва ли кто либо изъ знакомыхъ съ легендами и сказаніями Грузіи—стоя здѣсь у обители св. Іоанна—главы 13 сирскихъ отцовъ и, глядя на мѣста подвижничества св. Нины, на жалкое поселеніе окружившее величественные храмы древней столицы и на повисшій надъ бездной монастырь, воздвигнутый на мѣстѣ идолослуженій, едва ли, думаю, кто-либо не будетъ захваченъ воспоминаніями.

Въ глубокую старину, говоритъ преданіе, болѣе тысячи лѣтъ назадъ—въ эпоху доиконоборческую въ Сиріи среди многихъ монашествующихъ подвизался святой Авва Іоаннъ. Слава его добродѣтели окружила его многочисленной братіей учениковъ. Но не на родинѣ суждено ему было принять и высшую славу и послѣднее упокоеніе. Здѣсь—на горѣ Зедазенской поживаетъ прахъ этого инока вмѣстѣ съ 12 учениками по волѣ Промысла пришедшаго на далекую чужбину для укрѣпленія церкви иверской и для насажденія пустынножитія на глухой окраинѣ христіанскаго міра. Въ сонномъ видѣніи явилась Богоматерь Іоанну и повелѣла итти въ свой удѣлъ—въ Грузію. Созвавъ братію, Авва по жребію избралъ свою дружину и отправился на невѣдомый сѣверъ. Когда сирскіе отцы приближались къ Мцхету, ангелъ во снѣ явился Католикосу Евланію и извѣстилъ о приближеніи посланниковъ Промысла. Встрѣченные духовнымъ соборомъ, они прибыли въ Мцхетъ и, поклонившись святынямъ, начали обходить селенія Карталиніи, просвѣщая народъ проповѣдью.

Но любители подвиговъ иноческихъ искали мѣста для основанія постоянной обители. И для вящаго утвержденія истин-



А. Н. Геевскій.

Зедазенскій монастырь.

ной вѣры и для посрамленія полчищъ бѣсовскихъ избралъ Іоаннъ бывшее требище, гдѣ ранѣе совершались служенія передъ идоломъ Задена. Оттуда разослалъ онъ учениковъ своихъ по Карталиніи и Кахетіи. Прославленнѣйшіе монастыри чтутъ память этихъ своихъ основателей. Іоаннъ же съ вѣрнымъ ему діаконъ Іліею навсегда остались въ основанномъ имъ монастырѣ получившемъ въ устахъ народа названіе Зедазенскаго или Зедазнѣйскаго отъ имени стараго требища. Постоянные набѣги лезгинъ, терзавшихъ несчастную Грузію послѣ походовъ Шахъ-Аббаса, повлекли за собою опустѣніе обители. Въ срединѣ прошлаго вѣка монастырище стояло заброшеннымъ, служа пріютомъ дикихъ звѣрей. Теперь же тамъ обитаетъ малая братія*).

Посееніе.

*) Интересующійся болѣе подробнымъ повѣствованіемъ о 13 сирскихъ отцахъ найдетъ его на страницахъ труда [А. Муравьева] „Грузія и Арменія“ ч. I, С. II Б., 1848., а научную сводку старой литературы у Д. Бакрадзе. Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства. Записки Общ. любителей кавказской археологіи, кн. I. Тифлисъ, 1875, стр. 71—72. Общій видъ монастырской базилики (цинкографія, рис. 11) и маршрутъ для „Экскурсіи къ мужскому монастырю Іоанна Зедазенскаго“ см. А. Б. Евангуловъ, Маршруты экскурсіи по Кавказу, вып. I (маршруты однодневныхъ экскурсіи). Баку, 1913, № 8 (стр. 15—19).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Книжный рынокъ въ Петро- градѣ.

На-дняхъ я посѣтилъ Литейный—этотъ „районъ“—уголокъ антикваровъ и книжныхъ магазиновъ! Что меня обрадовало—это сравнительное обиліе книгъ, а равно появленіе многихъ изъ тѣхъ, которыя магической силой антикваровъ—считаются и считались библиографической рѣдкостью, (напр. „Рерихъ“ и „Современная Русская Графика“ изд. „Своб. Искусства“, „Царское Село“—А. Н. Бенуа, „Галиція“—Лукомскаго въ изд. Голике и Вильборгъ, отд. брошюры по архитектурѣ Лукомскаго, сего-же „Старинные театры“ и т. д.).

Но дальше меня ожидало нѣчто неопредѣлимое—почти кошмарное—это... цѣны! Да, я понимаю; мнѣ скажутъ:—„А считались ли Вы съ рѣдкостью этихъ книгъ? А съ увеличеніемъ такъ называемыхъ „накладныхъ расходовъ“.—„Вы не хотите считаться?“—Да все это такъ, но неужели вы этимъ намѣрены объяснить, что:

1) „Рерихъ“ Монографія изд. „Своб. Искусства“ вмѣсто номинальн. 48 р.—продается за 300 руб., „Галиція“—Лукомскаго—вмѣсто 15 р.—100 р. (и то подержанный экземпляръ!).

Отдѣльные брошюры къ архитектурѣ—Лукомскаго, которыя, правда, выходили въ ограниченномъ количествѣ, но стоили по 50 к.—1 р. 50 к.—продаются по 20—30 руб.! А вотъ совсѣмъ дешевое изданіе—почти не вздорожало, такъ только на 200—250% „Царское Село“—А. Н. Бенуа вмѣсто 125 руб.—стоитъ „только“ 400 руб.!

Да, вотъ какъ опѣниваютъ антиквары свой товаръ, вылежавшійся и выстоянный!

Я думаю, что все-же это недопустимо! Если есть предѣлъ на „вклады въ банкахъ“, то почему сего нѣтъ для г. г. книжныхъ спекулянтовъ?

Такъ, наприимѣръ, цѣны на издан. „Скорпіона“ перечеркнуты и „водружены“ „новыя“!—

Стихотворенія Гумилева, вмѣсто 1 р. 25 коп.—10 руб. (+700%).

Портретъ Доріана Грея—О. Уайльда (въ изд. „Грифъ“—Москва), вмѣсто 1 р. 25 к. стоитъ 75 руб.

Дабы Вы-бы повѣрили своимъ глазамъ, повторяю прописью: семьдесятъ пять рублей, а не копѣекъ—это всего лишь надбавка 5.746%!

„Невскій проспектъ“—Гоголя—изданіе Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій вмѣсто, кажется, 10 руб.—300 руб., т. е. +2000%!

Это фактъ—и если это такъ, то согласитесь, что это уже не вакханалія, не свистопляска, а просто разбой!

Книголюбъ.

Вечеръ поэзіи и музыки.

Въ среду, 23 октября, въ помѣщеніи зала консерваторіи состоялся вечеръ поэзіи и музыки, 6. ч. программы котораго заняло торжественное заведеніе поэтовъ цеха „Кольчуга“.

Нѣкоторые изъ нихъ знакомы публикѣ своими книгами и докладами, поэтому мы не будемъ говорить о выступленіи А. Крученыхъ, случайнаго гостя въ Тифлисѣ, Ю. Дегена, Б. Корнѣева и И. Терентьева, облачившаго театальной декламацией отрывки на заумномъ языкѣ: „Мои похороны“ и „Посадимъ ржанье на одинъ сортъ“.

Нѣкоторые же поэты появились на эстрадѣ впервые и о нихъ хочется сказать нѣсколько словъ.

Определенный успех имѣлъ Гр. Шайкевичъ; въ тщательно отдѣланной ритмикѣ его стиховъ сквозитъ меланхолическая ретроспективная мечтательность, оставляющая безъ вниманія будни действительности.

Тяготѣніе къ новымъ формамъ имѣютъ: Н. Семейко, который въ своихъ исканіяхъ имѣетъ уже извѣстные достижения, и А. Чачиковъ, тормозящій гортанную страстность рѣчи—рядомъ географическихъ названій.

Поэтами, переносящими любовь съ „Творца на твореніе“ (по замѣчанію Петрарки)—являются А. Порошинъ; въ его стихахъ есть свѣжесть, даже наивность воспріятія („отъ пламени твоей груди потемнѣетъ серебрянный крестикъ“) и Г. Евангуловъ, вдохновляемый терпкой сентиментальностью сладострастія.

Эротика томленія бѣлыхъ ночей въ стихахъ Нины Васильевой; въ начинаніяхъ М. Мошинской пробивается стыдливая нѣжность.

Неудачными были куплеты Голубева — Багрянороднаго, прикрывающаго маркой футуризма вульгарную развязность похмельныхъ частушекъ.

Грузинская поэзія была представлена плеядой поэтовъ „Голубые роги“, причемъ выступали Лейли Джанаридзе и Тиціанъ Табидзе; пріятная томность лирики послѣдняго вызываетъ неизмѣнное вниманіе слушателей.

Въ концертномъ отдѣленіи, артистка С. Г. Мельникова съ обычной граціей прочитала нѣсколько стихотвореній. Съ вокальной частью прекрасно справились: И. Я. Навратиль, Л. Г. Рибей и Н. Г. Колыша, спѣвавшая романсы съ аккомпаниментомъ ихъ автора Н. Н. Черепнина, появленіе котораго на эстрадѣ вызвало долгія оваціи.

Исполненіе г. г. Бендицкими сонаты Грига доставило крупное удовольствіе всѣмъ меломанамъ, такъ же, какъ и скрипичная игра О. Каца.

Несмотря на небольшую аудиторію вечеръ имѣлъ крупный художественный успехъ.

Татьяна Вечорка.

Въ „Ладѣ Аргонавтовъ“.

Послѣ долгихъ мѣсяцевъ замкнутой работы Сергій Городецкій рѣшился вывести въ свѣтъ „тифлисскій цехъ поэтовъ“. И, конечно, въ „Ладѣ Аргонавтовъ“, гдѣ публика, находящаяся по хмелькомъ, не особенно взыскательна.

Не станемъ много говорить о томъ, что слишкомъ смѣло было нѣсколькимъ лицамъ, которымъ такъ хочется быть поэтами, именовать себя „тифлисскимъ цехомъ“, тѣмъ болѣе, что въ Тифлисѣ существуетъ болѣе солидный по литературнымъ силамъ цехъ при художественномъ об-тѣ „Кульчуга“. И въ этомъ смыслѣ, наперекоръ своему больному тщеславію, г. Городецкому не мѣшало выказать хотя бы маленькую долю скромности и не обобществлять своего начинанія.

Теперь о самомъ выступленіи. Непріятное и досадное впечатлѣніе. Поэтовъ на сценѣ не было, развѣ за исключеніемъ Т. Поярковой. А все остальное—неужели это и есть тотъ „тифлисскій цехъ поэтовъ“, которымъ какъ своимъ дѣтищемъ хотѣлось хвастнуть г. Городецкому? А „импровизація на заданныя рифмы“—это ли не убожество, достойное „сверхъ-программъ“ загородныхъ петроградскихъ кинематографовъ? Или въ угоду „жующей“ публикѣ г. Городецкій готовъ пренебречь всѣмъ? Но зачѣмъ въ прошлую зиму онъ почувствовалъ уязвленнымъ свое литературное самолюбіе, когда Илья Зданевичъ поставилъ его имя среди участниковъ вечера въ ресторанѣ „Имеди“? Какая разница между „Имеди“ и „Ладѣй“ въ этомъ отношеніи?

Искренно только жаль поэта Сергѣя Рафаловича, который, очевидно, по случайному недоразумѣнію попалъ въ эту скверную исторію, „смпровизированную“ г. С. Городецкимъ.

Борисъ Корнѣевъ.

Новыя книги.

Илья Зданевичъ. Янко Круль Албанокъ. 1918. Из-во „Синдикатъ“. Цѣна 17 ру.

Трудно говорить о книгѣ, доступной только посвященнымъ въ тайны заумнаго языка, однако, въ виду ис-

ключительности ея мѣста въ исторіи русской литературы, хочется отмѣтить ея появленіе, почему то упорно замалчиваемое мѣстной критикой.

Группы буквенныхъ комбинацій, которыми передается трагедія „Інко Круль Албанекой“ — есть особый шифръ, являющийся богатымъ матеріаломъ для ряда филологическихъ изслѣдованій.

Книга издана великолепно: безъ единой опечатки, на ватманской бумагѣ. Последнимъ обстоятельствомъ отчасти и объясняется высокая цѣна ея.

Юрій Ливневъ.

Борисъ Корнѣевъ. Юность. Стихи. Из—во „Факель“. Петроградъ. 1916 г. ц. 60. к.

Книга Бориса Корнѣева, вышедшая въ Петроградѣ въ 1916 г., только теперь попала на тифлисскій книжный рынокъ и производитъ прекрасное впечатлѣніе своей вѣщиностью будучи изданной еще по возможностямъ мирнаго времени.

Первые стихи Б. Корнѣева выявляютъ его какъ „большого фантазера“, бродящаго въ мечтахъ, то въ Марокко, то въ Мадридѣ, иногда вызывающаго тѣни жеманнаго вѣка, иногда тоскующаго

— А хорошо имѣть невѣсту на лунѣ.

Желаніе повѣрить «таинственной сказкѣ» отзвучавшаго является основною темой для цикла стихотвореній, объединенныхъ заглавіемъ „Юность.“

Юрій Ливневъ.

Юрій Дегенъ. Этихъ глазъ. Стихи. Из—во „Фениксъ“ П. Т. Р. Г. 1919. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ тоненькой книжкѣ II стихотвореній, одинаково хорошо сдѣланныхъ, причѣмъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тяготѣетъ вліяніе М. Кузмина, напр., стих. „Намъ лампа бронзовая свѣтитъ“ цѣликомъ, а иногда отдѣльныя фразы: „Лицо запудрено какъ сердце“ или „Ахъ, не забуду! Помню все“.

Хрупкая нѣжность мысли ломаетъ ритмъ и еще болѣе усиливаетъ ту нерв-

ность тоски, что проходитъ лейтъ-мотивомъ въ творчествѣ Ю. Дегена.

Однако искренность тусклой грусти очень остра и поэтъ имѣетъ право сказать:

„Глаза заплаканные, сѣрые
за тонкими стрѣлами рѣсницъ
твоихъ,

а я, поэтъ,
иду улыбаясь,
волную пѣснями.

Татьяна Вечорка.

Худ. и лит. періодическое изданіе „Фениксъ“. № 1. Тифлисъ 1918 г. Ц. 3 руб. Въ Тифлисъ вышелъ въ свѣтъ новый художественный и литературный журналъ „Фениксъ“, редактируемый Юріемъ Дегеномъ. Изд-во „Фениксъ“, за названіемъ, котораго скрываются три поэта—Юрій Дегенъ, Юрій Долгушинъ и Н. Семейко, поставило себѣ благородную цѣль—давать дѣйствительно художественное изданіе періодическаго журнала, посвященнаго искусству. Въ этомъ отношеніи первый номеръ не оставляетъ желать лучшаго, какъ пріятнымъ подборомъ литературнаго матеріала, превосходно выполненными репродукціями, изъ которыхъ одна—снимокъ съ древне-грузинской миниатюры къ поэмѣ Шоты Руставели, списка лв. Каринтели (1646 г.) представляетъ собою древнѣйшій изъ извѣстныхъ портретовъ безсмертнаго поэта, воспроизводимый на страницахъ „Феникса“ впервые въ печати, такъ и четкой чистотой совершенно столичнаго изданія.

Второй номеръ, обѣщающій быть особенно интереснымъ благодаря предположенію редакціи „Феникса“ помѣстить въ немъ статью, посвященную художнику Вл. Гуліашвили, которая будетъ снабжена многими репродукціями съ его произведеній, выйдетъ въ послѣднихъ числахъ декабря настоящаго года.

Gylkain.

Редакторъ Борисъ Корнѣевъ.

Типо-Литогр. Груз. жел. дорогъ.

К 93

Художественное и литературное

1918

— ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ: —

„ФЕНИКСЪ“

подъ редакціей Юрія ДЕГЕНА.

Первый 1918 годъ изданія.

Вышелъ № 1.

Цѣна тетради 3 р.

Адресъ Редакціи и Конторы: Мечниковская 3, кв. 5.

Юрій Дегенъ

ЭТИХЪ ГЛАЗЪ

— 2-ое изданіе —

Цѣна 2 рубля.

И-во „ФЕНИКСЪ“

Борисъ Корнѣевъ

ДѢВУШКА ВЪ
РОЗОВОМЪ.

Цѣна 2 рубля.

Издательство.

„фантастическій кабачекъ“.

Матяка Вечорка

Новая Книга

И-ва „КОЛЬЧУГА“

МАГНОЛИИ

СТИХИ

Александръ ЧАЧИКОВЪ

КРѢПКИЙ ГРОМЪ

— СТИХИ —

Предисловіе А. Крученыхъ

Цѣна 2 руб.

ЦѢНА ЖУРНАЛА 3 рубля.

На станц. жел. дор. 3 р. 50 к.